

Павел Михайлович Нестеров родился и всю жизнь прожил в Ульяновске. Окончил школу №7 имени Кашкадамовой, автомеханический техникум, политехнический институт. Много лет работал ведущим конструктором ГСКБ-11 при Ульяновском заводе тяжёлых и уникальных станков. Преподавал в политехническом институте. Павел Михайлович любезно согласился познакомить читателей «Мономаха» с несколькими семейными историями.

Я смотрю на фотокарточку...

Боец трудового фронта

– Мама моя, Надежда Семёновна Александрова, родилась в 1916 году в Бугульме. Отец, Михаил Васильевич Нестеров, с 1906 года, он родился в Игнатовке Майнского района. Там был винокурный завод, отец после Белозёрской профессионально-технической школы работал на нём технологом. А в начале тридцатых они с мамой учились в Ульяновском индустриально-механическом техникуме при заводе №3 (имени Володарского, ныне патронный). Поженились, вместе с братом отца купили дом на Пролетарской, на самом Венце...

Всю оставшуюся жизнь отец проработал на заводе – технологом, потом начальником техбюро.

Несмотря на то что патронный завод всегда относился к военному ведомству, думали и о народном хозяйстве: было создано станкостроительное производство по выпуску средних токарно-винторезных станков разных модификаций. Отец стоял у истоков разработки первой модели станка 1Е 61М, который пользовался большим спросом и у нас в стране и за рубежом. За всё это у отца много наград с ВДНХ – медалей и дипломов.

В 1966 году он вышел на пенсию, но продолжал работать. В 1970-м по состоянию здоровья с завода всё же ушёл. А в 72-м за ним приехали: надо ещё поработать, без вас не получается. Отец ещё поработал года четыре.

Особая история – это годы войны. За

Волгу ходил рабочий поезд, дисциплина была строгая: за прогул давали реальный срок. Родители (а мать тоже работала на «Володарке») в понедельник уезжали на завод, в субботу возвращались. Можно сказать, в цехах всю войну прожили. Чего там они хлебнули, отец больно-то не рассказывал. Помню только, как его ранили вопросы типа: «Чего ж ты такой здоровый и не воевал?». Это потом, много позже, их стали называть солдатами трудового фронта.

«Дима умер...»

– У родителей долго не было детей, поэтому бабушек и дедушек я не застал, они умерли ещё перед войной. Знаю только, что мамин папа, Семён Иванович Александров, окончил в 1898 году Симбирское ремесленное училище имени графа Орлова-Давыдова, преподавал детям трудовое воспитание. Ещё он имел хороший голос и по воскресным дням пел в хоре в церкви, что стояла напротив УЛЬГЭС.

Его жена (моя бабушка) Анна Алексеевна Никульцева была дочерью матроса крейсера «Очаков», а в последующем, как тогда называлось, горного мастера – слесаря судостроительного завода в Нижнем Новгороде и окончила там женскую гимназию Хреновской. Они с мужем воспитали шестерых детей.

Моя мама была очень эффектная женщина, её любил фотографировать знаменитый ульяновский фотограф

дядя Саша Маркелычев (он, кстати, был её первым пионервожатым).

После техникума мама работала в контрольной лаборатории завода имени Володарского, заведовала тиром на испытательном полигоне. Ездил в командировки в Москву, в наркомат вооружений.

Однажды перед самой войной приехала комиссия – принимать новые образцы pistolетных патронов. Мама в присутствии высоких гостей отстре-

Дядя Вася Александров, курсант лётной школы. Ленинград. 1933

Семья Нестеровых в саду своего дома на ул. Пролетарской, 27. Справа мои родители

Мама на контроле патронов

А это мы с мамой 9 июня 1950 года. Фото дяди Саши Маркелычева

Мама (внизу справа) во время учёбы в техникуме. 12 февраля 1934 года

Бабушка Анна Никульцева в молодости. 22 сентября 1927 года

Работники завода имени Володарского.
В верхнем ряду второй слева – мой отец

ляля обойму и опустила пистолет. Она считала, что патроны кончились, но в стволе оставался ещё один. Кто-то пошёл смотреть результаты стрельбы, а мама возьми да нажми на курок. Бах – выстрел. А рядом стоял председатель комиссии. Пуля вошла в землю, но ведь ничего не докажешь. Была назначена комиссия, и маме грозил трибунал. Директором завода тогда был Елян Амо Сергеевич, очень авторитетный человек, потом, после Ульяновска, он в Горьком и Москве делал большие дела для нашей обороны, стал Героем Соцтруда, четыре раза получал Сталинскую премию. С помощью Еяна это мамино «дело» замяли.

В 1943 году у мамы родился долгожданный первенец – мой старший брат Вова, и мама решила уйти с завода. Наркомом вооружения был тогда Устинов, он в Ульяновске бывал довольно часто. Они были знакомы, мама рассказывала, что он и в доме у них бывал. Так вот, все дружно её уговаривали не уходить с завода, обещали и няньку найти для ребёнка, и все условия создать. Сам Устинов её уговаривал, но мама всё же с завода ушла.

...И вот однажды, это 84-й год, мама уже совсем старенькая. Я вхожу в комнату, а она плачет. На коленях у неё газета «Правда». Я не понял, в чём дело. «Мама, что?» А она: «Дима умер...». Смотрю – на первой странице в траурной рамке фотография министра обороны СССР Дмитрия Фёдоровича Устинова...

Землетрясение или месть?

– Брат мамы, дядя Вася Александров, был кадровый военный, лётчик. Прошёл всю войну, дослужился до полковника, командовал полком бомбардировщиков. В конце 1940-х воевал в Ки-

тае, помогал устанавливать народную власть.

Потом его полк вывели в Туркмению и во время ашхабадского землетрясения в 1948 году он погиб. Официальная версия такая: вышел покурить на балкон (они жили на четвёртом этаже) и в это время сильным толчком его выбросило вниз. Но в нашей семье ходили упорные разговоры, что эта смерть была насильственной. Потому что когда его авиаполк перебазировался из Китая, у дяди Васи с высшим командованием возникли серьёзные разногласия. (А он был очень авторитетным офицером.) Возможно, роковую роль сыграло то, что он был носителем слишком уж деликатной информации. Ещё были разговоры о том, что ему могли отомстить китайцы.

Наплевали в душу

Средняя сестра мамы – тётя Лена – в начале 1930-х девчонкой работала в Ульяновской областной больнице у знаменитого доктора Теняева. (Он, кстати, был нашим семейным врачом.) По его стопам решила пойти на специальность «ухо-горло-нос» и поступила в 1-й Ленинградский медицинский институт. Познакомилась с морским офицером Юрием Никулиным, перед войной они поженились, родилась дочка Марина.

С началом войны тётю Лену как медика мобилизовали, дядя Юра тоже воевал. С кем оставалась их дочка, сказать не могу. В одном из боёв под Ригой немцы разбомбили госпиталь, где служила тётя Лена, полуживую её взяли в плен. Дядя Юра в это время воевал на Северном флоте. Во время сопровождения конвоя их судно было торпедировано. Его, тоже полуживого, выловили из воды немцы. В таком состоянии он тоже попал в плен.

Освободили их в 1945 году американцы. Приехали один за другим в Ульяновск, сняли жильё, хотели начать послевоенную жизнь. Но вскоре их обоих арестовывают, а дочку отправляют в детский дом как ребёнка врагов народа, где она вскоре умирает.

Дяде Юре и тёте Лене дали по десять лет и этапировали куда-то на север. Волею судьбы они оказались в одном лагере (там были мужская и женская зоны). Дядя Юра сидел в одном лагере с Солженицыным, а тётя Лена – с певицей Руслановой. Узкая специализация помогла тёте Лене. Терапевты и хирурги (их было много) были на общих работах в каменоломнях, а «ухо-горло-нос» пригодился в лагерной больничке. Через больницу была связь между мужской и женской зонами – письма и записки забинтовывали во время перевязок.

Просидели они девять лет и шесть месяцев. В 56-м году их освободили, вызвали в прокуратуру, извинились, заплатили деньги, вернули награды и звания. Но ближе посёлка Актау (под Карагандой) им селиться запретили. Тётя Лена продолжала работать врачом, несколько раз писала в Москву, просила, чтобы им разрешили жить в Ульяновске, но безрезультатно. В отпусках они бывали, несколько раз приезжали к нам, но жили до конца дней в Актау – сначала умер дядя Юра, а потом тётя Лена.

В последние годы их стали приглашать в школы как участников войны. Но тётя Лена, вспоминая лагерь, признавалась маме: «Меня не покидает ощущение, что мне наплевали в душу».

...Сейчас, когда родителей, их братьев и сестёр уже нет в живых, иногда очень жалею, что о многом их в своё время не спросил...

Публикацию подготовил
Геннадий Дёмочкин

Дядя Юра и тётя Лена Никулины (справа) в Ульяновске. 1957